

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽¹⁶⁾
ВЕСНА — ЛЕТО
2012

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

К 125-летию со дня рождения
В.А. Иванова

От редколлегии. Владимир Алексеевич Иванов (1886–1970)	5
<i>Б.В. Норик.</i> «Воспоминания» В.А. Иванова в Архиве востоковедов ИВР РАН	6
<i>А.И. Колесников.</i> Переписка В.А. Иванова с А. Корбэном (1947–1966)	10
<i>А.А. Хисматулин.</i> В. Иванов об учении Ахл-и Хакк	16
<i>П.В. Башарин.</i> Предания о святом Халладже на Памире в контексте суфийской житийной литературы	20

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Е.И. Кычанов.</i> Документ из тангутского государства Си Ся на китайском языке	24
<i>Н.В. Козырева.</i> Два клинописных текста начала II тыс. до н.э. из Южной Месопотамии, касающиеся городской недвижимости (YOS VIII 153, YOS XII 307)	28
«Диван» курдского поэта XVIII века Ранджури (транскрипция текста, образцы перевода <i>З.А. Юсуповой</i>)	38

ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В ЛИЦАХ

Медведева Л.Я. (<i>Т.Ю. Евдокимова</i>)	59
Николаева О.С. (<i>В.В. Щепкин</i>)	60
Берлев О.Д. (<i>И.В. Богданов</i>)	62

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>И.Т. Канева.</i> Вставные предложения (на материале текстов новошумерского периода)	64
<i>С.Р. Тохтасьев.</i> Из комментариев к Константину Багрянородному	75
<i>Е.П. Островская.</i> О предмете буддийской философии	87
<i>И.С. Гуревич.</i> Дiachронический аспект анализа языка текстов разных жанров с идентичной сюжетной линией (XIV–XVI вв.): полученные результаты	97

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- И.В. Богданов.* Ливанская древесина *hntj-š* в египетских источниках эпохи Древнего царства 112
- М.И. Воробьева-Десятовская.* Академик В.П. Васильев об истории буддийской философии (тексты на тибетском и китайском языках) 132
- С.Л. Бурмистров.* Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции 138
- Ю.А. Иоаннесян.* Понятие «Явителя Божьей воли» в бабизме и религии бахаи 151
- О.К. Мехтиева.* Из истории общины бахаи в России и СССР. Воспоминания очевидцев 174

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Я.В. Васильков.* Новое о первом русском индологе: письма Герасима Лебедева И.Ф. Крузенштерну 188
- К.М. Богданов.* Материалы из коллекции Н.П. Лихачева в собрании ИВР РАН 207
- Т.А. Черная.* Карл Иванович Максимович — выдающийся российский «ботанический востоковед» XIX в. 212
- П.П. Муратов.* Цикл «Навстречу солнцу»: «Первые дни в Токио» и «Токийская жизнь» (вступительная статья и публикация текста *К.Г. Маранджян*) 242
- П.С. Тентюк.* Петербургская рукопись макама ал-'Аббаса и ее «аналог» в Австрийской национальной библиотеке 251
- С.М. Якерсон.* Ашкеназская рукопись как часть караимской истории. Об одной уникальной находке в Отделе рукописей и документов ИВР РАН 259

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Б.В. Норик.* К 125-летию со дня рождения В.А. Иванова. Вклад русских ученых в изучение исмаилизма и духовной культуры народов Памира. ИВР РАН, Институт исмаилитских исследований (Лондон). 7–9 декабря 2011 г. 268
- Е.П. Островская.* Пятые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга 271
- Т.А. Пан.* Дальневосточный семинар при ИВР РАН 274
- Т.В. Ермакова.* Дни П.С. Палласа в г. Палласовка 276

На четвертой стороне обложки:
Изображения растений из японских иллюстрированных справочников XIX в.
(к статье Т.А. Черной)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
Р.И. Котова
А.А. Ковалев
О.В. Маждова
О.В. Волкова
И.Г. Ким
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

© Российская академия наук, 2012
© Институт восточных рукописей РАН,
2012

РЕЦЕНЗИИ

- В.Г. Лысенко.* Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение) [тексты] (*Е.П. Островская*) 278
- А.А. Непомнящий.* Подвижники крымоведения (*Л.В. Орел*) 281
- Grażyna Zajac. Smutna ojczyzna i ja smutny...* Kręgi literackie epoki Abdülhamita II w świetle tureckiej autobiografii (*Г. Мишкинене*) 284
- В.А. Лившиц.* Парфянская ономастика (*М.И. Воробьева-Десятовская*) 286
- И.В. Герасимов.* История публицистики Судана (*О.Б. Фролова*) 289

IN MEMORIAM

- Юрий Ашотович Петросян 292

И.Т. Канева

Вставные предложения

(на материале текстов новошумерского периода)

Метод включения в состав предложения дополнительных сведений о его члене, характерный для хозяйственных текстов старошумерского периода¹, продолжает использоваться и в исследуемых здесь текстах новошумерского. В них, как и в текстах старошумерского периода, представлены те же виды вставных предложений, различающиеся: по числу компонентов — предложения с двумя компонентами (подлежащим и сказуемым) и предложения с неназванным подлежащим, и по виду сказуемого — глагольные и именные.

Наиболее употребительны (особенно в литературных текстах) вставные предложения с неназванным подлежащим. В некоторых случаях эти предложения занимают необычную позицию — перед основным предложением (в литературных текстах). Появление вставных предложений на подобной позиции объясняется опущением вынесенного в начало предложения и выраженного личным местоимением члена основного предложения, поясняемого вставным.

Пропуск личных местоимений — в шумерском синтаксическая норма. Она обусловлена стремлением к экономии языковых средств, поскольку личные местоимения находят выражения в сказуемом посредством соответствующих личных показателей.

Ключевые слова: шумерский язык, грамматика, синтаксис, вставные предложения, способы вычленения, структура, позиция.

В истории шумерского языка, охватывающей около трех тысяч лет, по характеру письма, языка и орфографии письменных памятников выделяются несколько периодов.

Статья о вставных предложениях, опубликованная нами ранее, была основана на материале текстов, относящихся к старошумерскому периоду (2500–2350 гг. до н.э.). Показалось целесообразным продолжить исследование этого типа предложений, но уже на базе данных письменных памятников, происходящих из других периодов шумерского языка, в частности из новошумерского (2150–2000 гг. до н.э.).

Корпус текстов, привлеченных в данной статье в качестве материала, включает в себя административные и правовые документы, деловые письма, а также литературные памятники — два храмовых гимна, посвященные строительству храма Энинну богу Нингирсу (т.н. цилиндры А и В правителя Гудеа) и надписи на его статуях.

Прием вставки одного предложения в другое в шумерском довольно распространен. Вставляемые предложения могут быть грамматически связаны с предложением-«реципиентом», а могут и не иметь с ним никакой связи.

В тех случаях, когда связь предложений оказывается грамматически оформлена, речь идет о сложноподчиненных предложениях.

Связь придаточного предложения с главным осуществляется в них либо с помощью только союзов, либо посредством словоформ или падежных формантов, полу-

¹ Канева И.Т. Вставные предложения (на материале шумерских хозяйственных текстов) // Письменные памятники Востока. 2009, № 2(11). С. 153–159.

чающих значения союзов с одновременной номинализацией зависимого предиката в результате его оформления показателем номинализации /-a/, либо путем только номинализации зависимого предиката.

Проиллюстрируем это на примерах:

1. ^dnin-gír-su ur-^dnanše lugal lagaš^{ki} dumu gu-ni-du *ud èš-gír-su mu-dù* a mu-na-ru [Urn. 35:1–8] «Богу Нингирсу Урнанше, царь Лагаша, сын Гуниду, *когда святилище Гирсу построил*, (эту вещь) посвятил».

В этом примере придаточное времени вводится в главное посредством союза *ud* «когда», букв.: «день».

2. PN₁ *tukum-bi gemé* PN₂-kam šu hé-na-bar-re [Jagersma 2010. P. 712:199] «Имярек₁, *если она рабыня имярека₂*, пусть он отпустит к нему!».

Связь придаточного условного с главным осуществляется здесь с помощью союза *tukum-bi* «если».

3. PN₁ ù PN₂-ra *en-na igi-gu₁₀-šè di in-da-an-du₁₁-ga-aš* na-ba-dù [TCS I 113:3–6] «На имярека₁ и имярека₂ *до тех пор, пока они не изложат (свое) дело передо мной*, пусть (арест) он не накладывает!».

Здесь в оформлении связи придаточного предложения с главным участвует словоформа *en-na-šè*, получающая значение союза с одновременной номинализацией предиката. Слово *en-na* (его этимология и значение неизвестны) употреблено в направлении падеже (показатель /-eše/). По отношению к придаточному (определятельному) оно выступает в роли вершины и входит в состав главного. В соответствии с существующим в шумерском порядке расположения членов определятельного комплекса, грамматические форманты, относящиеся к определяемому, располагаются после определения. В данном случае падежный показатель /-eše/ помещается на исходе предиката придаточного предложения, снабженного показателем номинализации /-a/. Комбинация *en-na... -a-šè* получает значение союза «до тех пор, пока».

4. 6920 sa [g]i-izi *sa-bi gu-nigín-né 10 sa ba-an-du₇* PN hé-na-ab-zi-zi [TCS I 38:3–7] «6920 пучков тростника „изи“ *(эти пучки в вязанки (по) 10 пучков собраны)* имяреку пусть он запишет в долг!».

В этом примере предложение, включенное в состав другого, грамматически с ним никак не связано. Оно передает дополнительные сведения о члене предложения «реципиента» и с полным основанием может быть квалифицировано как вставное.

Отсутствие в шумерском знаков препинания, с помощью которых в других языках выделяются вставные предложения, не препятствует здесь его вычленению. Иное дело, когда предложение, близкое к вставному как по своему содержанию, так и по отсутствию грамматически выраженной связи с другим предложением, располагается на исходе этого другого предложения. Здесь определить статус предложения — вставное или самостоятельное — без помощи знаков препинания уже трудно, поэтому в данной статье такие случаи не будут учитываться. Сравним следующие два примера.

5. má-gu₁₀ PN in-ku₄-ku₄-da *u₄ nu-mu-zal-e nig a-na bí-du₁₁-ga hé-eb-gá-gá* [TCS I 109:17–19] «На мою лодку, которую имярек доставит, *(день не должен пройти²)*, все, что он сказал, пусть он погрузит!».

6. PN₁ ù-na-a-du₁₁ 10 ug_x udu PN₂-ra hé-na-ab-sum-mu *u₄ na-bí-ib-zal(?)*-e [TCS I 29] «Имяреку₁ ты (письмо) скажи! 10 дохлых баранов имяреку₂ пусть он даст! *День он не должен пропустить!*».

Приведенные примеры иллюстрируют тот случай, когда одинаковые по содержанию предложения (и то и другое уточняют временные рамки действия, названного

² Т.е. со времени получения письма и до выполнения требования отправителя не должно пройти и одного дня.

в соседнем предложении) из-за разницы в занимаемых ими позициях по отношению к этому предложению и при отсутствии знаков препинания приходится квалифицировать по-разному: предложение, расположенное внутри другого, — как вставное, а то, что находится на его исходе, — как самостоятельное. В других языках вставные предложения могут находиться в конце основного. Их вынос может быть связан, например, со стремлением автора придать таким способом большую смысловую нагрузку содержащейся в них информации.

Выделяются следующие типы вставных предложений, которые определяются: во-первых, по числу названных в них компонентов — предложения с двумя компонентами (подлежащим и сказуемым) и предложения с неназванным подлежащим. Во-вторых, по виду сказуемого — глагольные и именные предложения. Кроме того, вставные предложения различаются по соотносительности — с отдельным членом основного или со всем основным предложением в целом.

Вставные предложения с двумя названными компонентами

В предложениях этого типа подлежащее может как совпадать, так и не совпадать с поясняемым членом основного, а сказуемое быть глагольным или именным.

Именное сказуемое — составное. Оно состоит из именной части в виде имени существительного (одного или с зависимыми словами) и глагольной связки. Роль глагольной связки выполняют спрягаемые формы, образованные от глагола *te* «быть». При этом формы, утратившие префикс ориентации, обязательный для спрягаемых форм, присоединяются к имени в качестве энклитик, а формы, сохранившие его, функционируют как самостоятельные.

Глагольные вставные предложения с двумя названными членами

7. X tapin gur PN₁ ... Y sila zì si[k_x] PN₂ má-la<h₄> *mu-DU má ba-zi* PN₃ šu ba-ti [TCS I 14: 4—12] «X гугов муки „тапин“ (от) имярека₁, ... Y сила муки грубого помола (от) имярека₂, лодочника, (поставки лодка доставила) имярек₃ получил».

8. 1 gemé ití ^d*dumi-zi-ta u₄-l-àm ba-ra-zal* PN i-dab₅ [TCS I 297:3—4] «Одну рабыню (из месяца Думузи прошел один день) имярек схватил».

В следующем отрывке из письма сообщается, что некто в течение нескольких лет получал от правителя города Уммы серебро. Каждый раз сведения о количестве полученного серебра сопровождаются указанием на время сделки. Для этой цели используются так называемые датировочные формулы, которые в шумерском составлялись по определенной схеме: существительное *tu* «год» и название года. Названия давались годам по выдающимся событиям и представляли собой сообщения о них.

Датировочные формулы располагаются здесь непосредственно после сообщения о количестве серебра и, таким образом, разрывают синтаксическую целостность предложения.

9. 1 ma-na kù-babbar *tu ki-maš^{ki} ba-hul* ½ ma-na kù-babbar... *tu ús-sa ki-maš^{ki} ba-hul* 1 ma-na kù-babbar *tu ha-ar-ši^{ki} ba-hul* 1 ma-na kù-babbar *tu amar^d-suen lugal ki en_x-si umma^{ki}-ta* PN šu ba-an-ti [TCS I 273:3—15] «Одну мину серебра (год (по названию) „Кимаш был разрушен“), одну вторую мины серебра... (год (по названию) „следующий“ (после года по названию) „Кимаш был разрушен“), одну мину серебра (год (по названию) „Хараш был разрушен“), одну мину серебра (год (по названию) „Амарсуэн — царь“) от правителя Уммы имярек получил».

Именные вставные предложения с двумя названными членами

10. X še gur še *níg-gál-la PN šà-gu₄-ka (šà-gu₄-ak(генетив)-am) šu-na ha-ab-ši-ib-gi₄-gi₄* [TCS I 116:3–6] «X гуров зерна (зерно — имущество имярека, погонщика быков) в его руки пусть он вернет!».

11. *ir ù á-ir-da-mu-6-kam kù-bi X gín kù-babbar-àm PN₁-ke₄ PN₂ engar-^dnin-ma[r]^{ki}-ka-ra in-na-ab-rúg-r[úg]* [NG 67:14–18] «Имярек₁ должен (возвратить) раба и возместить плату (за выполненную) рабом (работу) за шесть лет (серебро за это составляет X циклей серебра) имяреку₂, земледельцу поселения Нинмар».

12. *áb ša-ba-tur tu-bi i-me-a (i-me-am) PN₁ máš-šè-àm-da i-na-an-de₆-a PN₂ nam-erém-bi ku₅-dam* [NG 137:7–10] «Что корову (Шабатур — ее имя) имярек₁ вместе с процентами (за нее) принес, имярек₂ клятву дал».

Вставные предложения с неназванным подлежащим

Пропуск подлежащего во вставных предложениях наблюдается в случаях его совпадения с тем членом основного предложения, которое это вставное поясняет, или когда имя, выступающее в роли подлежащего вставного, упоминается в предшествующей части сообщения.

Употребление одного и того же имени в ближайшем контексте предполагает его замену при повторном использовании личным местоимением. Пропуск личных местоимений в шумерском языке является синтаксической нормой, возникшей из-за стремления к экономии языковых средств, поскольку личные местоимения находят выражение в сказуемом посредством соответствующих показателей. В именных сказуемых в роли личных показателей выступает глагольная связка.

Глагольные вставные предложения с неназванным подлежащим

13. *PN₁-ra ù-na-a-du₁₁ X gur a-ka gar-ra igi ha-bar-re PN₂ dumu PN₃ Y gur PN₄ Z gur PN₅ sira kungal zi-zi-dam* [TCS I 224:1–8] «Имяреку₁ (письмо) скажи! Должны быть записаны в долг: X гур (ячменя) (пусть он (имярек₁) проверит, стоят ли они на счете!) имяреку₂, сыну имярека₃; Y гур (ячменя) имяреку₄; Z гур (ячменя) имяреку₅, пастуху курдючных (баранов)».

В этом примере во вставном предложении опущено подлежащее (адресат), названное в вводной формуле письма. Неназванное подлежащее отражено в глагольной форме *igi ha-bar-re (igi ha-bar-e)* посредством личного показателя 3 лица ед.ч. /-e/.

14. *gir-sè-ga PN₁-ka má-a ù-mi-ú PN₂ ha-mu-na-ab-sum-mu* [TCS I 32:3–6] «Слуг имярека₁ (на лодке пусть они плавают!) имяреку₂ пусть он даст!».

В этом примере показателем неназванного подлежащего во вставном предложении служит в сказуемом *ù-mi-ú (ù-mi-ú-0)* формант /-0/.

Именные вставные предложения с неназванным подлежащим

15. *3 sa-gi PN₁ 2 sa-gi PN₂ ì-du₈-me (ì-du₈-meš) hé-né-éb-sum-mu* [TCS I 140:3–8] «3 вязанки тростника имяреку₁, 2 вязанки тростника имяреку₂ (они — привратники, букв.: привратники-суты) пусть он даст!». Показателем неназванного подлежащего в именном сказуемом служит энклитическая глагольная связка 3 л. мн.ч. /-meš/, утратившая на исходе слова конечный /š/.

В некоторых случаях отсутствие знаков препинания затрудняет вычленение вставных именных предложений с неназванным подлежащим, занимающих позицию внутри основного. Вставное именное предложение с неназванным подлежащим (имя + связка), как видно из примера 15, по сути представляет собой именное составное сказуемое (имя + связка). Если перед конструкцией имя + связка находится имя в абсолютном падеже, то при отсутствии знаков препинания их можно интерпретировать: во-первых, как самостоятельное именное предложение с именем в абсолютном падеже в роли подлежащего (субъекта) и конструкцией имя + связка в роли сказуемого; во-вторых, имя в абсолютном падеже как член основного предложения (прямой объект/пациент), а конструкцию имя + связка как вставное именное предложение с неназванным подлежащим, поясняющее этот член.

Поясним все это на примере:

16. PN₁ dumu-PN₂-gudá nu-mu-zu i-me-àm PN₃ dumu-PN₄-gudá-ke₄ [b]a-an-tuku [NG 6:2–4].

Буквальный перевод звучит так: «Имярек₁ дочь имерка₂ жреца „гуда“ вдова она есть имярек₃ сын имярека₄ жреца „гуда“ взял в жены».

Возможны два толкования содержащегося здесь сообщения:

Первое: «Имярек₁, дочь имярека₂, жреца „гуда“ — вдова. Имярек₃, сын имярека₄, жреца „гуда“, взял ее³ в жены».

Второе: «Имярек₁, дочь имярека₂, жреца „гуда“, (она — вдова) имярек₃, сын имярека₄, жреца „гуда“, взял в жены».

Таким образом, имя собственное в абсолютном падеже PN₁ «имярек₁» в зависимости от перевода выполняет разные функции. В первом варианте — функцию субъекта; во втором: в основном предложении — функцию его члена (пациента или прямого объекта), который поясняется вставным; во вставном предложении — функцию подлежащего, оставшегося неназванным.

Способность функционирования имени в абсолютном падеже в качестве и субъекта и пациента объясняется принадлежностью шумерского к языкам эргативного строя. Для этих языков профилирующим является противопоставление двух конструкций предложения: эргативной и абсолютной. Эргативная конструкция содержит два обязательных именных члена — подлежащее (агенса), имя в эргативном падеже и прямой объект (пациент), имя в абсолютном падеже. Абсолютная конструкция — один именной член, подлежащее (субъект), имя в абсолютном падеже.

Толкование конструкции *nu-mu-zu i-me-àm* как вставного предложения с неназванным подлежащим представляется более вероятным, поскольку в шумерском, как свидетельствуют материалы письменных памятников, широко использовался прием вставки новых сведений о члене предложения, особенно о том, что находился в центре внимания составителя текста. Для этой цели использовались не только вставные предложения, но и субстантивные сочетания, которые, как и вставные предложения, располагались после поясняемого члена и присоединялись к нему по принципу приложения, например,

17. PN *sipa-ur-ra šà-gal-ni 2 sila zì-ta hèn[a-ab-sum-m]u* [TCS I 130:3–5] «Имяреку, смотрителю собак, его продовольствие по два сила муки (в день) пусть он даст!».

Приведем еще несколько примеров со вставными предложениями этого типа.

18. 1 PN₁ *dumu-nibru^{ki}-kam (dumu-nibru^{ki}-ak-am)* PN₂ *ha-mu-na-sum-mu* [TCS I 61:3–6] «Имярека₁ (он — житель Хунтура) имяреку₂ пусть он (адресат) даст!».

³ Личное местоимение в тексте отсутствует. Как уже говорилось, опущение личных местоимений — синтаксическая норма для шумерского языка. Отражением местоимения в глагольной форме *ba-an-tuku* (*ba-an-tuku-0*) можно считать показатель /-0/.

19. X gín kú maš-gá-gá-dam (maš-gá-gá-ed-am) níg-šám-PN₁-šè ki-PN₂-dam-gàr-ta PN₃ gudá-ra ba-na-gi-in [NG 135:2–6] «X сиклей серебра (они даны под проценты, букв.: проценты несущие есть-они) в качестве цены за покупку имярека₁ от имярека₂, торговца, присуждены имяреку₃, жрецу „гуда“».

20. lú-umma^{ki}-a e-ki-sur-ra an-ta-bal-e-da lú-umma^{ki} hé⁴ lú-kur-ra hé^d en-líl-le hé-ha-lam-me [Ent. 28 VI 9–20] «Жителей Уммы, которые перейдут пограничный канал (будь они жителями Уммы, будь они чужестранцами), бог Энлиль пусть погубит!».

21. PN₁-šè PN₂-ke₄ kù níg-ga-né-et in-ši-in-lá-a [NG 210:IV 4–6] «Что имяреку₁ имярек₂ серебро (оно — его собственность) отвесил».

Приведенные примеры со вставными именными предложениями с неназванным подлежащим взяты из писем, административных и правовых документов. Этот тип предложений часто встречается также в литературных памятниках.

22. šà^d en-líl-lá-ke₄ ^{id}idigna-àm a-du₁₀-ga nam-de₆ [Cyl A I 19] «Потоп Энлиля (он — река Тигр) действительно принес сладкую воду».

Тождество между двумя именными членами вставного предложения «он (потоп)» и «река Тигр», передаваемое связкой, может быть понято как указание на их уподобление, и тогда перевод всего примера может звучать так: «Потоп Энлиля (он — подобен реке Тигру) действительно принес сладкую воду».

Голландский шумеролог Ягерсма (Jagersma 2010. P. 108) квалифицирует предложение ^{id}idigna-àm как headless copular relative clause (связочное релятивное предложение с невыраженным вершинным словом), в роли которого выступает неназванное местоимение (P. 599). Весь пример он переводит так: «Enlil's heart that which was (like) the river Tigris brought sweet water» (P. 709, note 184).

Для релятивных предложений этого типа и для рассматриваемых здесь вставных общим является то, что те и другие соотносятся с членом другого предложения, сообщают о нем новые сведения и располагаются после него, т.е. внутри другого предложения. Однако разница между ними состоит в том, что у шумерских вставных предложений связь с основным остается грамматически никак не оформленной, а у релятивных она получает выражение. Сказуемое релятивного предложения, находящееся на его исходе, снабжается показателем номинализации /-a/, после которого располагаются грамматические форманты, относящиеся к вершинному слову, например:

23. inim ^dnanše-e tu-na-du₁₁-ga-aš sag-sig ba-ši-gar [Cyl A VII 11–12] «К словам, которые богиня Нанше ему сказала, он склонил голову».

В этом примере сказуемое релятивного предложения tu-na-du₁₁-ga-aš (tu-na-du(g)₁₁-a-eše) снабжено показателями: номинализации /-a/ и направительного падежа /eše/, получающего форму /-aš/. Падежный показатель относится к вершинному слову inim «слово». Сказуемое ^{id}idigna-àm⁵ в примере 22 не содержит каких-либо формантов, указывающих на его связь с предложением-«реципиентом», т.е. является вставкой.

Вставочный характер предложения ^{id}idigna-àm и неправомочность разбивки сообщения, содержащегося в примере 22, на два самостоятельных предложения: «потоп Энлиля есть река Тигр» и «сладкую воду он действительно принес» — подтверждает оформление генетивного сочетания šà^d en-líl-lá-ke₄ (šà^d en-líl-ak(генетив)-e(эргатив) эргативным падежом.

Как уже говорилось выше (см. с. 5), имя в эргативном падеже выполняет роль агенса только в предложениях эргативной конструкции. В контексте всего примера

⁴ hé (hé-i-me-0) представляет собой самостоятельную форму связки, снабженную префиксом наклонения, пожелания /hé-/.

⁵ Выше, см. с. 4, уже говорилось об идентичности вставных именных предложений, у которых не названо подлежащее, с составным именным сказуемым.

функционирование $\check{s}\grave{a}^d en-lil-l\grave{a}-ke_4$ в качестве агенса возможно только в предложении $\check{s}\grave{a}^d en-lil-l\grave{a}-ke_4... a-du_{10}-ga nam-de_6$ «потоп Энлиля... действительно принес сладкую воду», которое, таким образом, оказывается раздвинутым за счет включения в его состав другого предложения — $idigna-\grave{a}m$.

Члены основного предложения, выступающие во вставных именных в роли подлежащего (агенса или субъекта), в самих основных употребляются в различных синтаксических функциях. В приведенных выше примерах со вставными предложениями этого типа вопрос о функциях поясняемых членов основного не затрагивался. Коснемся этой проблемы сейчас.

24. $\acute{e} kur-gal-\grave{a}m an-n\acute{e} im-\acute{u}s^d utu-\grave{a}m an-\check{s}\grave{a}-ge im-si$ [Cyl B I 6–7] «Храм (он — большая гора) к небу примыкает, (храм) (он — солнце) до середины небес проникает».

В этом примере содержатся два основных предложения с включенными в их состав вставными именными с неназванным подлежащим. Поскольку основные предложения структурно идентичны, повторяющиеся в обоих предложениях имя существительное $\acute{e}$ «храм» (с ним соотносятся вставные предложения) во втором из них опускается. Это имя функционирует в основных в качестве подлежащего (субъекта).

25. $li^{gis} \acute{u}-sikil-kur-ra-kam izi-a b\acute{i}-si-si$ [Cyl A VIII 10] «Можжевательник (он — чистое растение гор) в огонь он бросил».

Имя существительное li «можжевательник» употреблено в основном предложении в роли прямого объекта (пациенса).

26. $^d ba-\acute{u} nin-a-ni nin uru-k\grave{u}-ge ni si-\grave{a}m uru-k\grave{u}-ga ki-UD.UD-ga-a \acute{e} mu-na-d\grave{u}$ [St E III 16–IV 2] «Богине Бау, своей госпоже (она есть госпожа, внушающая чувство страха перед Чистым городом), в Чистом городе в абсолютно чистом месте он построил храм».

Поясняемые члены основного предложения — имя собственное $^d ba-\acute{u}$ «богиня Бау» и словоформа $nin-a-ni$ «его госпожа» в роли приложения — судя по присутствию в глагольной форме $mu-na-d\grave{u}$ пространственного префикса 3 лица ед. числа дательного падежа $/-na^b$ «ей», стоят в дательном падеже, показатель которого $/-ra/$ не выписан.

27. $ens\acute{i} lu-g\grave{e}stu-dagal-kam g\grave{e}stu i-g\acute{a}-g\acute{a}$ [Cyl A I 12] «Правитель (он — человек большой мудрости) применит мудрость».

Здесь имя существительное $ens\acute{i}$ «правитель», поясняемый член основного предложения, выполняет роль подлежащего (агенса), однако показатель эргативного падежа $/-e/$ не выписан.

28. $igi-zi-bar-ra-^d nan\check{s}e-kam^d en-lil-l\grave{a} lu-\check{s}\grave{a}-ga-na-kam ens\acute{i} xxx^d nin-g\acute{i}r-su-ka-kam g\grave{u}-d\acute{e}-a unu_6-mah-a tu-da-^d g\acute{a}-\grave{t}\grave{u}m-du_{10}-ga-kam^d nisaba-ke_4 \acute{e}-g\acute{e}stu-ke_4 g\acute{a}l-taka$ [Cyl A XVII 10–16].

Здесь представлены четыре конструкции, аналогичные по своей структуре рассмотренным выше вставным именным предложениям с неназванным подлежащим.

Первое предложение: $igi-zi-bar-ra-^d nan\check{s}e-kam$ ($igi-zi-bar-a-^d nan\check{s}e-ak$ (генетив)- am (связка)) «Он есть тот, на кого благостно посмотрела богиня Нанше», букв. «Благостно увиденный богини Нанше есть-он».

Именная часть сказуемого — генетивное сочетание, его вершинное слово — глагольное имя $igi-bar-a$, получающее в данном контексте значение имени, называющего лицо, которое является объектом передаваемого глаголом $igi-bar$ «смотреть» действия, т.е. «тот, на которого посмотрели», «тот, кого увидели». Зависимое слово — имя собственное в генетиве $^d nan\check{s}e-ak$ — выполняет роль производителя действия. Именная часть сказуемого оформлена связкой $/-am/$.

⁶ В шумерском языке важные в коммуникативном плане падежные отношения, существующие в предложении, находили отражение в спрягаемой глагольной форме посредством соответствующих показателей.

Присутствие в переводе наречия «благостно» связано с наличием при именном компоненте *igi* «глаза» составного (сложного) глагола *igi-bar* (букв. «глаза направлять наружу») определения в виде прилагательного *zi* «истинный», «правильный», получающего в подобном контексте значение наречия.

Второе предложение: ^den-líl-lá lú-šà-ga-na-kam (^den-líl-ak(генетив) lú-šà(g)-ani(притяжательное местоимение 3 лица ед.ч.)-ak-am) «Он есть человек, что по сердцу Энлилю».

Третье предложение, сохранившееся лишь частично: xxx ^dnin-gír-su-ka-kam (^dnin-gír-su-ak-ak-am) «xxx он есть кто-то бога Нингирсу».

Четвертое предложение: unu₆-mah-a tu-da-^dgá-tùm-du₁₀-ga-kam (unu₆-mah-a-tu(d)-a-^dgá-tùm-du(g)₁₀-ak-am) «Он есть тот, кого в величественном покое родила богиня Гатумдуг», букв. «В величественном покое порождение богини Гатумдуг есть-он».

Здесь, как и в первом предложении, именная часть сказуемого представляет собой генетивное сочетание с вершинным словом — глагольным именем, называющим лицо, являющееся объектом передаваемого глаголом *tu(d)* «родить» действия, т.е. «порождения». Имя в генетиве выполняет роль производителя действия. Поскольку глагольное имя сохраняет глагольное управление, в составе генетивной конструкции присутствует имя в локативе *unu₆-mah-a* (локатив), указывающее на место совершения действия — «в величественном покое».

Из этих четырех вставных предложений только перед последними двумя присутствуют имена, претендующие на роль поясняемых членов, — *ensí* «правитель» и *gù-dé-a* имя собственное Гудеа, называющие одно и то же лицо, т.е. правителя города Лагаша Гудеа.

В таком контексте поясняемые члены, отсутствующие перед первыми двумя вставными предложениями, должны были указывать на то же самое лицо, а их отсутствие можно объяснить только тем, что они были выражены личными местоимениями и оказались неназванными.

В основном предложении эти имена — однородные члены. Они употреблены в дательном падеже, что подтверждается, несмотря на отсутствие при них показателя дательного падежа, наличием соответствующего показателя — пространственного префикса 3 лица ед.ч. дательного падежа */-na-/* в глагольной форме *tu-na-taka*. Каждый однородный член поясняется вставным предложением.

Все сообщение можно передать так: «Ему (он есть тот, на кого милостиво посмотрела богиня Нанше), ему (он есть человек, что по сердцу Энлилю), правителю (он есть xxx бога Нингирсу), Гудеа (он есть тот, кого в величественном покое родила богиня Гатумдуг) богиня Нисаба „храм мудрости“ открыла».

Этот отрывок являет собой пример использования распространенного в шумерских литературных текстах стилистического приема, в соответствии с которым процесс введения в повествование главного действующего лица происходил постепенно: от общего упоминания о нем посредством личного местоимения до более конкретных указаний на его статус, должность и т.п. и, наконец, до сообщения его имени собственного.

Тот же самый стилистический прием применен в следующем отрывке из литературного текста позднешумерского периода.

29. an-gal-ta ki-gal-šè geštú-ga-ni na-an-gu[b] dingir an-gal-ta ki-gal-šè geštú-ga-ni na-an-gu[b] ^dinanna an-gal-[ta ki-gal-šè] geštú-ga-ni na-an-gu[b] [IDNW 1–3] «(Она⁷) от великих небес к великой земле обратила свои помыслы, богиня от великих небес к ве-

⁷ Опущенное личное местоимение *e-ne* «она» отражается в глагольной форме *na-an-gub* (*na-n-gub*) посредством личного показателя 3 лица ед.ч. */-n-/*.

ликой земле обратила свои помыслы, *Инанна* от великих небес к великой земле обратила свои помыслы».

Таким образом, судя по данным, предоставляемым примером 28, необычную позицию вставных предложений — в начале основного, а не в его середине, следует объяснять характерным для шумерского языка пропуском личных местоимений (в том числе и местоимений в роли поясняемых членов).

Подобное явление, скорее всего, имеет место и в следующих примерах.

30. *sipa-me é tu-dù* [Cyl B II 5] Буквальный перевод звучит так: «Пастырь есть-я храм я построил». Словоформа *sipa-me* представляет собой имя существительное *sipa* «пастух», «пастырь», снабженное энклитической глагольной связкой 1 лица ед.ч. */-men/*, утратившей на исходе слова конечный */n/*.

По структуре и содержанию эта словоформа идентична вставному именному предложению с неназванным подлежащим. Позицию вставного в начале повествования, как и в примере 28, можно связать с пропуском поясняемого члена, выраженного личным местоимением 1 лица ед.ч. В основном предложении это местоимение выполняет функцию агенса, а во вставном — субъекта. Его опущение компенсируется наличием в сказуемых соответствующих личных показателей: в сказуемом вставного предложения — связки */-men/*, в сказуемом основного — гласного, характер которого пока точно не определен и который располагается непосредственно перед глагольной основой.

При таком толковании словоформы *sipa-me* пример 30 переводится так: «(Я) (я — пастырь) храм построил».

По мнению Ягерсма (Jagersma 2010:211), предложение *sipa-me*, как и предложение ^{id}*idigna-àm* в примере 22, представляет собой *headless relative clause*. Появление таких предложений объясняется, по его мнению, тем, что шумерские личные местоимения не могут использоваться в качестве вершинного слова релятивного предложения. Весь пример он переводит так: «I, the shepherd, (lit. “(I) who am the shepherd”) have built the temple».

31. *sipa-me nam-nun-né sag ma-ab-sum-sum* [Cyl A I 26] «(Ко мне) (я — пастырь) глубокие размышления подступили».

В этом примере также не названо личное местоимение 1 лица ед.ч., член основного предложения, поясняемый вставным. В основном и во вставном оно употреблено в различных синтаксических функциях. В основном — в функции косвенного объекта в дательном падеже, что подтверждает присутствующий в глагольной форме *ma-ab-sum-sum* (*mu-?a-b-sum-sum*) пространственный префикс 1 лица ед.ч. дательного падежа */-?a-/*. Во вставном — в функции субъекта, роль личного показателя которого выполняет связка 1 лица ед.ч. */-men-/*.

32. *ir ní-tuku-nin-a-na-kam nam-mah-a-na mu-zu-zu* [St E II 1–4] «(Он) (он есть раб, трепещущий перед своей госпожой) сообщил о величии своей госпожи».

33. ^{g18}*eren-bi tùn-gal-e im-mi-ku₅ ... tukul a-ma-ru-lugal-la-na-šè tùn im-ma-bar miš-mah-àm a-e im-diri-ga-àm* [Cyl A XV 22–26] «Их (т.е. гор) кедровые большие топоры срубили... он (т.е. Гудеа) обтесал их для (изготовления) оружия (под названием) „Потоп его господина“, и они (т.е. кедровые⁸) (они были подобны громадным змеям) поплыли по воде».

Тождество между двумя именными членами вставного предложения «они (кедры)» и «громадные змеи», как и в примере 22, может пониматься как уподобление «они как громадные змеи».

⁸ Личное местоимение 3 лица ед.ч. класса неодушевленных, к которому относится кедр, в шумерском не представлено. В качестве его замены и личного показателя в сказуемом используется связка */-am/*. Коллективное мн. число, в котором, судя по контексту, употреблено здесь имя *eren* «кедр», выражалось в шумерском формой ед.ч.

Итак, в текстах новошумерского периода, привлеченных в этой статье в качестве материала, как и в ранее исследованных хозяйственных текстах старошумерского периода, был распространен прием вставки в предложение дополнительных сведений о его члене, осуществлявшийся с помощью вставных предложений.

В деловых письмах, административных и правовых документах представлены все виды вставных предложений, различающихся: по числу компонентов — предложения с двумя компонентами (подлежащим и сказуемым) и предложения с неназванным подлежащим, а также по виду сказуемого — глагольные и именные. В литературных текстах наиболее употребительными оказались вставные именные предложения с неназванным подлежащим. Вставка предложений подобного типа превратилась в них в некий художественный прием.

Вставочный характер предложения определяется в шумерском по отсутствию грамматически оформленной связи с предложением-«реципиентом», по содержанию — сообщает новые сведения о члене основного предложения или обо всем предложении в целом (примеры 5, 8) и по позиции.

При невыработанности в шумерском знаков препинания, посредством которых выделяются вставные предложения в других языках, легче всего можно вычленив вставные предложения, включенные в состав другого. Их содержание, отсутствие выраженной связи с другим предложением и позиция внутри его позволяют с полным основанием квалифицировать их как вставные.

Однако из-за отсутствия знаков препинания даже в тех случаях, когда одно предложение располагается внутри другого, могут возникнуть некоторые затруднения в определении его статуса. Речь идет о вставных именных с неназванным подлежащим, которые по своей структуре (имя + связка) идентичны составному именному сказуемому (имя + связка). Затруднения возникают, когда член основного предложения, поясняемый вставным и совпадающий с его подлежащим, выражен именем в абсолютном падеже.

В такой ситуации и при отсутствии знаков препинания вполне допустимо предположение о функционировании этого имени в качестве подлежащего при именном составном сказуемом (имя + связка) и, соответственно, о разделении всего сообщения на два самостоятельных предложения.

В пользу квалификации конструкции имя + связка как вставного именного предложения с неназванным подлежащим говорит широкое распространение в шумерском приема вставки дополнительных сведений о членах предложения. Причем для этой цели использовались не только вставные предложения, но и другие способы, в частности употребление имен в функции приложения.

Определить без помощи знаков препинания статус предложений, совпадающих со вставными по содержанию и отсутствию связи, но расположенных на исходе другого, уже трудно, и поэтому они здесь не учитываются.

Вставные предложения в соответствии со своим назначением — передавать дополнительные сведения — могут располагаться в середине или в конце основного, начинать предложения они никак не могут. Материалы, предоставляемые литературными текстами новошумерского периода, демонстрируют нарушение этого правила — в них обнаружены вставные предложения, находящиеся в начале основного. Появление вставных предложений на начальной позиции происходит в тех случаях, когда поясняемый ими член основного, вынесенный в начало предложения, выражен личным местоимением, но остается неназванным, поскольку опущение личных местоимений для шумерского является синтаксической нормой.

Список сокращений

- Cyl A — *Edzard D.O.* Gudea and His Dynasty // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. 3/1. Toronto, 1997. P. 69–88.
- Cyl B — *Edzard D.O.* Gudea and His Dynasty // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. 3/1. Toronto, 1997. P. 88–101.
- Ent. 28 — *Steible H.* Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften. I // Freiburger altorientalische Studien 5/I. Wiesbaden, 1982. S. 230–245.
- IDNW — *Sladek W.R.* Inanna's Descent to the Netherworld. [Dissertation]. John Hopkins University, 1974.
- Jagersma 2010 — *Jagersma A.* A Descriptive Grammar of Sumerian. Ph. D., Universiteit Leiden. <http://hdl.handle.net/1887/16107>
- NG — *Falkenstein A.* Die neusumerischen Gerichtsurkunden. II. München, 1956.
- StE — *Edzard D.O.* Gudea and His Dynasty // The Royal Inscriptions of Mesopotamia, Early Periods. 3/1. Toronto, 1997. P. 42–46.
- TCS I — *Sollberger E.* The Business and Administrative Correspondence under the Kings of Ur // Texts from Cuneiform Sources. I. N. Y., 1966.
- Urn. 35 — *Steible H.* Die altsumerischen Bau- und Weihinschriften. I // Freiburger altorientalische Studien 5/I. Wiesbaden, 1982.

Summary

I.T. Kaneva

Parenthetic Clauses in Sumerian

(Based on Texts of Neo-Sumerian Period)

The method of including additional information about a member of sentence in the form of parenthesis is often used both in business texts of Old Sumerian period and in texts of Neo-Sumerian period.

Types of parenthetic clauses in business, legal and administrative documents of this period differ in number of components (sentences with two components and sentences with an unnamed subject) and in type of predicate (verbal and nominal).

In literary texts under consideration the author discovers parenthetic clauses with an unnamed subject located at the beginning of the sentence.

An unusual position of parenthetic clauses can be explained by the omission of an explicative member located at the beginning of the sentence and expressed by a personal pronoun. Personal pronouns are expressed by corresponding personal indexes in the predicate. Thus the tendency to a sparing use of language resources leads to the omissions of personal pronoun which becomes a standard for the Sumerian language.